

Чтобы избежать лишних неприятностей, она хотела как можно скорее подняться в квартиру, но из-за того, что только что своими глазами видела, как лифт рухнул в шахту, и сама едва не оказалась внутри, психологическая травма была слишком сильной. Она не осмелилась снова воспользоваться лифтом и, потянув Эр-я за собой, пошла по лестнице. Ноги у нее подкашивались, и, дойдя до второго этажа, она поняла, что больше не может сделать ни шагу, и уже подумывала о том, чтобы повести Эр-я в отель.

Лу Угуй присела и сказала:

— Я донесу тебя на спине.

Чжуан Сяошэн ответила:

— До двадцать первого этажа.

— Я смогу тебя донести, — твердо глядя на Чжуан Сяошэн, произнесла Лу Угуй.

Наверное, в выражении лица и взгляде Лу Угуй было столько решимости и искренности, что она подсознательно поверила Эр-я.

Лу Угуй перекинула сумку Чжуан Сяошэн через плечо, в руке держала купленную для нее одежду, и, взвалив Чжуан Сяошэн на спину, зашагала вверх по лестнице. Ее походка была уверенной, она не выглядела уставшей, и Чжуан Сяошэн даже не слышала, чтобы Эр-я тяжело дышала. Эр-я двигалась в ровном темпе, не спеша и не замедляясь, вот так, этаж за этажом, шаг за шагом, поднимая ее вверх.

Добравшись до двадцать первого этажа, Лу Угуй опустила Чжуан Сяошэн и, слегка покраснев и немного запыхавшись, сказала:

— Если подстраивать дыхание под шаг, то не устаешь.

В этот момент Чжуан Сяошэн вдруг подумала, что восемь тысяч юаней в месяц, которые Ю Цинвэй платит Эр-я, — это совсем не много.

Она забрала у Лу Угуй свою сумку, достала ключи, открыла дверь и, войдя в квартиру, села на диван, не в силах пошевелиться, молча глядя на Эр-я, которую, казалось, совсем не знала.

Эр-я, как обычно, тихо, молча и немного заторможенно отправилась в ванную умыться, почистить зубы, принять душ и лечь спать, словно всех тех странных событий сегодняшнего дня и не было вовсе.

Чжуан Сяошэн только собралась умыться, как зазвонил дверной звонок. Она посмотрела в глазок и, увидев за дверью охранника и человека в полицейской форме, открыла.

Раз лифт попал в аварию и погибли люди, полиция, просмотрев записи с камер наблюдения, заметила нечто необычное в их поведении и пришла выяснить обстоятельства.

Чжуан Сяошэн, разумеется, не могла пересказать слова Лу Угуй, поэтому просто сказала:

— Моя сестра только приехала из деревни, она немного боится чужих людей и не захотела ехать в одном лифте с мужчиной, поэтому потянула меня подождать, пока тот поднимется, чтобы поехать на другом.

Полицейские задали еще пару простых вопросов, чтобы прояснить ситуацию, и вместе с охранником ушли.

Лу Угуй не спала. Как только полиция и охранник вошли, она села на кровати, поджав ноги, и тихо наблюдала за тем, как сестра Сяошэн разговаривает с ними. Лишь когда они ушли, она задумчиво произнесла:

— Сестра Сяошэн, ты сейчас сказала неправду.

Чжуан Сяошэн ответила:

— Если бы я сказала правду, они бы не поверили, а только нажили бы нам неприятностей. — Она немного помедлила и добавила: — Они могли бы решить, что у тебя не все в порядке с головой. Это авария лифта, к нам она отношения не имеет, так что объясниться было легко. А если бы нас с этим связали, тебя могли бы отправить на психиатрическую экспертизу. В современном обществе не верят в подобные суеверия.

Сказав это, она увидела, что Эр-я снова ушла в себя. Для нее это было привычным делом, поэтому она развернулась и пошла в ванную.

Выйдя из ванной, она вдруг услышала, как Эр-я пробормотала:

— Раньше они считали меня дурочкой, потому что я говорила то, во что они не верили.

Чжуан Сяошэн замерла и повернулась к Эр-я. Та смотрела на нее с невероятной серьезностью, и от этого взгляда ей стало невыразимо грустно. Ведь она сама раньше не раз думала, что обрывки фраз, которые иногда выдавала Эр-я, — это просто бред.

— Спи, уже поздно, завтра на работу, — сказала она.

Лу Угуй ответила:

— М-м, — и легла. Ей казалось, что она начала что-то понимать.

Заснув, Лу Угуй сначала увидела во сне того мужчину, который сидел в лифте с отсутствующим видом, а потом ей приснилось, что она оказалась в комнате той девушки, которую видела в ночных сновидениях накануне. Девушка лежала, откинувшись назад, слегка склонив голову набок, и, обхватив одеяло обеими руками, спала крепким сном. Лица ее по-прежнему было не разглядеть, но Лу Угуй заметила, что нефритовый кулон на ее шее был точь-в-точь как тот, что носила Ю Цинвэй. Это ее крайне удивило и поразило. Она подалась вперед,

желая рассмотреть получше, как вдруг спящая девушка вмиг открыла глаза, ловко села и достала из ящика стола Лопань. Стрелка компаса указывала прямо на нее.

Лу Угуй почувствовала, что ситуация какая-то жуткая: это не было похоже на обычный сон, скорее, напоминало ее прошлые спуски в Колодец Желтых Источников.

Девушка посмотрела на Лопань, затем на то место, где стояла Лу Угуй, потом убрала компас обратно в ящик, легла и, натянув одеяло на голову, снова уснула.

Лу Угуй не понимала, что происходит. Она хотела проверить, тот ли это нефрит, что у Ю Цинвэй, но девушка спряталась под одеялом, так что рассмотреть ничего не удалось. Она подошла ближе, раздумывая, не стянуть ли одеяло, но побоялась, что девушка вскочит и разрубит ее мечом. Она осторожно двинулась вперед, и, дойдя до прикроватной тумбочки, вдруг заметила на ней мобильный телефон и складной веер Ю Цинвэй. Она присмотрелась — это действительно был веер Ю Цинвэй, все талисманы и подвески на нем были точно такими же.

Лу Угуй была в замешательстве. Она не понимала, как ей могла присниться Ю Цинвэй, или, может, это вовсе не сон? Она спала дома, не могла же она во сне уйти так далеко!

Отделение души!

Эта мысль, как молния, пронзила сознание, и от испуга у Лу Угуй в голове зазвенело, а потом она провалилась в небытие.

Ей приснился еще один сон: небо, охваченное огнем, и море крови. Кровь горела в пламени, окрашивая небо в ярко-красный цвет. Треск горящих деревьев смешивался с чьим-то гневным голосом. Гнев и скорбь переплелись, освещенные багровым заревом и алыми потоками крови, все горело и горело, пока глаза не застлало красным светом...

Ей показалось, что она видит, как кто-то сгорает заживо, но не могла разглядеть кто, видела лишь огонь — бесконечный, всепожирающий огонь...

Когда красная пелена и кровь отступили, перед глазами возник белый цвет. Она увидела белоснежный потолок, она лежала на большой мягкой кровати сестры Сяошэн, а рядом раздавался звук переворачиваемых страниц. Она повернула голову и увидела, что Ю Цинвэй сидит на диване, слегка опустив голову, и читает книгу. Ее изящный, спокойный силуэт напоминал портрет красавицы, написанный тонкой кистью, словно белый лотос, покачивающийся на ветру посреди бескрайних листьев в летний день. Прохлада, исходившая от нее, вмиг развеяла кровавое марево и пожар из сновидения.

Почувствовав на себе ее взгляд, Ю Цинвэй внезапно обернулась. Заметив, что Лу Угуй смотрит на нее, она на секунду замерла, затем встала, подошла к кровати и, глядя на нее сверху вниз с легким равнодушием, произнесла:

— Наконец-то соизволила проснуться?

Лу Угуй была в полном недоумении: как здесь оказалась Ю Цинвэй?

Ю Цинвэй топнула ногой:

— Ладно, раз глазами двигаешь — значит, жива. Я ухожу. — Она развернулась, подошла к журнальному столику, сгребла в рюкзак валявшиеся на диване Лопань, знамя приказа, колокольчик призыва души и прочую утварь, накинула рюкзак на плечо, взяла веер и невозмутимо направилась к выходу. Лу Угуй даже не успела спросить, как та здесь оказалась, а Ю Цинвэй уже открыла дверь и ушла.

Лу Угуй села на кровати, чувствуя во всем теле вялость и слабость. Она огляделась — сестры Сяошэн дома не было. Сестры нет, а Ю Цинвэй только что была здесь? Лу Угуй засомневалась, не померещилось ли ей это.

Она встала с кровати и почувствовала, что все тело ноет, словно она пролежала неподвижно несколько дней. Потянувшись, она почувствовала себя немного лучше, но тут же ощутила зверский голод. Она вспомнила про вяленую говядину, сладости и цукаты, которые сестра Сяошэн купила ей в магазине деликатесов, и бросилась искать свой рюкзак, который оставила у входа. Рюкзака не было, а обыскав все вокруг, она нашла в мусорном ведре у столика пустые обертки от своих лакомств!

Лу Угуй стало так горько, что она едва не заплакала, но, сколько ни моргала, слез не было.

Она села на диван, не в силах ни о чем думать, и просто ждала, как тянется время.

Раздался звук открываемой двери. Она увидела сестру Сяошэн, от которой исходил аромат еды. Глаза Лу Угуй загорелись, она соскочила с дивана и бросилась к ней, услышав при этом:

— Госпожа Ю, я упаковала... — После чего увидела, что сестра Сяошэн замерла, глядя на нее, а пакет с едой с глухим стуком упал на пол, расплескав суп и соус.

Лу Угуй смотрела на рассыпанную еду, чувствуя, что ей становится плохо, а сестра Сяошэн бросилась к ней, схватила за руки и воскликнула:

— Эр-я! — У нее покраснели глаза.

Лу Угуй подумала, что это она сама должна плакать, а сестра Сяошэн еще и издевается.

— Я голодная, — прошептала она, голос ее дрожал. Ей казалось, что она не ела целых три дня!

Вдруг сестра Сяошэн крепко обняла ее. Лу Угуй застыла, не понимая, что происходит. Она услышала, как сестра всхлипывает, словно собирается заплакать.

— Сестра Сяошэн, что с тобой? — спросила она.

Сестра Сяошэн сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем отпустить ее, и спросила:

— А где госпожа Ю?

Значит, это не галлюцинация, Ю Цинвэй действительно была здесь.

— Ушла, — ответила Лу Угуй.

— Когда?

— Сразу после того, как я очнулась. Она посмотрела на меня, собрала свои вещи и ушла. Сестра Сяошэн, я очень хочу есть.

— Я отведу тебя поесть. Что ты хочешь? У тебя ничего не болит? Голова не кружится?

— Кружится, — сказала Лу Угуй, а увидев, как сестра Сяошэн напряглась, добавила: — От голода.

Чжуан Сяошэн отвела ее в торговый центр напротив. Лу Угуй хотела мяса, хотела есть большими кусками, но сестра не разрешила, заставив сначала выпить немного бульона, чтобы не нагружать желудок, а потом заказала мясную кашу. Лу Угуй с завистью смотрела на соседний столик, где стояли свиные ножки и курица, и, заметив это, сестра наконец заказала ей курицу в соусе и порцию риса. Она съела всю курицу, вылила соус в рис и выскребла все до последней рисинки, едва утолив голод. Только после этого она заметила, что сестра Сяошэн все это время смотрела на нее, даже не притронувшись к палочкам. Она с недоумением посмотрела на сестру и увидела, что глаза у той красные, как у кролика, а взгляд полон боли, печали и тревоги.

Лу Угуй засомневалась. Она вспомнила, что с ней случилось отделение души.

Сон это был или настоящее отделение души?

Если сон, то как Ю Цинвэй могла оказаться в доме сестры Сяошэн с магическими артефактами? И почему она проснулась только к полудню?

Лу Угуй была ошеломлена. Она подняла взгляд на Чжуан Сяошэн, но та, несмотря на покрасневшие глаза, нежно улыбнулась ей и тихо сказала:

— Поешь пока это, через пару часов пойдем на полдник.

Лу Угуй кивнула.

Вернувшись домой, сестра Сяошэн убрала рассыпанную еду и отвезла ее к себе в офис. На этот раз она не оставила ее в переговорной, а взяла к себе в кабинет, дав журналы, чтобы та могла почитать. Она знала, что сестра Сяошэн была напугана тем, что случилось.

После работы Лу Угуй попросила сестру купить красную ткань и красные нитки. Дома она сшила маленький мешочек, положила в него талисман подавления души, нарисованный дедушкой, и повесила на шею на красном шнурке. Все то время, пока она это делала, сестра Сяошэн молча наблюдала за ней. Она надеялась, что талисман на шее успокоит сестру.

Чжуан Сяошэн не проронила ни слова.

Когда они легли спать, Чжуан Сяошэн внезапно крепко обняла ее и заплакала.

— Сестра Сяошэн, — позвала она.

Чжуан Сяошэн прижала ее к себе, слезы лились непрерывно. Перед глазами стояла картина того дня, когда они с отцом хоронили Эр-я, завернутую в старую отцовскую одежду, и в ушах звучали слова даоса Суй: «Этого ребенка вам не выходить...». Она боялась. Боялась, что не сможет уберечь Эр-я, что не сможет отчитаться перед родителями. Позавчера утром она проснулась и увидела, что Эр-я лежит на кровати, вытянувшись, холодная, как лед, и не просыпается... Если бы она не дышала, она бы решила...

Она возила ее по больницам, но ничего не нашли. Позвонила Ю Цинвэй, спросила, почему они не на работе, и узнала, что Эр-я в коме. Ю Цинвэй приехала, взглянула на нее и велела везти домой, сказав, что нужно проводить обряд, иначе будет только хуже.

Ю Цинвэй сказала, что у Эр-я синдром отделения души с самого детства. Иногда душа просто покидает тело, и если ничего не случается, то к рассвету возвращается, но если она чего-то испугается, то приходится проводить обряд призыва.

На вопрос, можно ли это вылечить, Ю Цинвэй тогда лишь тяжело промолчала. Чжуан Сяошэн поняла: если бы это было возможно, даос Суй давно бы ее вылечил.

Лу Угуй слышала, как сестра плачет, и знала, что та переживает за нее. Она не знала, как утешить, какие слова подобрать, и просто сказала:

— Не бойся, у меня на шее талисман.

Чжуан Сяошэн ничего не ответила. Она не верила, что талисман поможет. Даже Ю Цинвэй знала об этом недуге, и если бы талисман был эффективен, даос Суй не оставил бы ее без него.

Лу Угуй слышала, как сестра продолжает всхлипывать, и начала похлопывать ее по плечу, как та когда-то похлопывала ее, укладывая спать. Но сестра Сяошэн вдруг снова разрыдалась, обнимая ее, и лишь когда выплакалась, заснула, прижавшись к ней.

Она не понимала, почему сестра так убивается. У каждого своя судьба, некоторые испытания предопределены, и печаль тут не поможет, как не помогла она в день смерти дедушки.

Лу Угуй погрузилась в забытие, и снова оказалась в комнате Ю Цинвэй.

Ю Цинвэй еще не спала, горел ночник, она читала старую, потрепанную книгу. Как только Лу Угуй появилась, стрелка Лопань на тумбочке задрожала.

Ю Цинвэй тихо вздохнула, отложила книгу и спросила:

— Каждую ночь ко мне приходишь, не устала еще?

Лу Угуй стояла у кровати. Она хотела сказать: «Я и сама не хочу приходить, это ты меня приманиваешь своими вещами». Она знала, что сейчас не может заговорить так, чтобы Ю Цинвэй ее услышала, но понимала: раз та занимается такими вещами, то знает, почему душа Эр-я постоянно отделяется.

— Маленькая глупышка, возвращайся. Завтра придешь ко мне в агентство, — сказала Ю Цинвэй.

Лу Угуй смотрела на нефритовый кулон на шее Ю Цинвэй. Внутри нефрита она увидела прожилки крови, и они, словно капли туши в воде, внезапно расплылись. Только это была не тушь, а кровь, и она снова увидела море крови...

Кровь превратилась в огонь, и глаза снова застлало пламенем.

— Маленькая глупышка!

— Маленькая глупышка!

Голос Ю Цинвэй доносился словно издалека. Огонь начал бледнеть, голос становился яснее. Когда пламя исчезло, она увидела Ю Цинвэй, сидящую на кровати. Та держала в руках талисман и звала ее по имени. Талисман вспыхнул, золотой свет ударил в глаза, и, когда Лу Угуй открыла их, она обнаружила, что лежит у себя в кровати.

Ю Цинвэй силой вернула ее обратно с помощью талисмана!

Она подумала: странно, как можно с такого расстояния принудительно вернуть душу?

Лу Угуй спустила ноги с кровати, залезла под подушку — ничего! Она включила ночник, приподняла простыню и под подушкой обнаружила желтый талисман, на котором были написаны ее восемь иероглифов даты рождения.

Раздался голос Чжуан Сяошэн:

— Эр-я, что ты делаешь?

— Ю Цинвэй положила мне под подушку талисман, — ответила Лу Угуй. Она не хотела, чтобы сестра волновалась, и добавила: — Чтобы я не отделялась от тела. Смотри, тут даже мои иероглифы написаны.

Чжуан Сяошэн взяла талисман, взглянула на него и сказала:

— Это не твой талисман. Ты родилась тринадцатого числа седьмого месяца по лунному календарю, а здесь написано — двадцать пятое число восьмого месяца. Хотя ты и не празднуешь день рождения, я его никогда не забуду...

Она не договорила, заметив на бумаге три иероглифа «Лу Угуй». Это было имя Эр-я. Она никогда его не произносила, но забыть не могла. Она вспомнила тот день, когда они с отцом хоронили Эр-я, и как потом закопали вместе с ее волосами и ногтями табличку замещения смерти, на которой были написаны ее иероглифы. Она спросила:

— Эр-я, ты знаешь, что такое табличка замещения смерти?

Глава 19

Лу Угуй ответила:

— Табличек замещения смерти много видов, и способов их использования тоже.

Чжуан Сяошэн задумалась:

— А если написать дату рождения и кровь на деревянной табличке с талисманом, завернуть в красную ткань вместе с ногтями и волосами и закопать — что это значит?

— Это замещающее погребение, — сказала Лу Угуй.

— Замещающее погребение? Что это значит?

Лу Угуй не знала, как объяснить, и, подумав, сказала:

— Там много тонкостей. Бывает погребение для живого, бывает для мертвого. Цель одна — сказать остальным, что этот человек умер и похоронен здесь.

Чжуан Сяошэн спросила:

— А если кто-то тайно провел такой обряд для живого человека, а тот продолжает жить как ни в чем не бывало, какой в этом смысл?

— Смысл есть, — ответила Лу Угуй. — Например, если кто-то провел такой обряд для меня, то любой, кто захочет погадать на меня, увидит, что я мертва. С точки зрения судьбы, человек, для которого провели замещающее погребение, уже мертв. Поэтому к такому прибегают только в крайнем случае, обычно чтобы избежать смертельной опасности. А вообще, для обычных дел хватает и простого талисмана на лбу, как у Ю Цинвэй.

Чжуан Сяошэн была поражена:

— У госпожи Ю? То, что у нее на лбу — талисман? Зачем он?

— Чтобы скрыть черты лица и жизненную энергию. Это простой способ скрыть небесную тайну. Обычно его рисуют, когда попадаешь в большую беду, а потом просто смывают водой, — Лу Угуй зевнула. — Сестра Сяошэн, я хочу спать.

Она залезла под одеяло, но, увидев в руках талисман, помедлила и снова спрятала его под подушку.

Чжуан Сяошэн спросила:

— А этот талисман полезен? Даже если дата рождения не та?

— Дата рождения там правильная, — ответила Лу Угуй.

<http://bllate.org/book/19149/1880544>